

Клонинг и вышвыринг

Мы больше не храним книги: мы их выбрасываем или, в соответствии с новой модой, оставляем на скамейке. В последнее десятилетие изменилось само отношение к книге в России: она превратилась в одноразовый продукт.

О движении буккроссинг принято говорить с умилением, почти с нежностью. Прочел книгу — забудь ее где-нибудь в общественном месте, в кафе, на скамейке. Подари товарищу. Основал это дело Рон Хорнбекер, в России оно теперь в большой моде и называется книговоротом. Считается, что именно такое обращение с книгами нормально: прочел — передал. Я никогда не понимал этого. Для меня хорошая книга всегда была живым существом. Как можно забыть на скамейке домашнего любимца? Щедрейший Волошин запрещал выносить книги из своей библиотеки, неохотно выпускал из рук, мог из-за книги насмерть посориться с приятелем. Дело не в жадности. Просто это были другие книги.

Буккроссинг не случайно появился именно сегодня. В последнее время я регулярно чищу свою невеликую квартиру от книг и замечаю поразительную вещь: почти всегда выбрасываются (или передаются желающим) книги, изданные в последние пять-шесть лет. Остаются на полках те, которые изданы в 1950 — 1990-х (до 1995-го) годах. Больше того: заходя в любимый Дом книги — на Тверской ли, на Новом ли Арбате, — я все чаще выхожу оттуда без покупки. А посещая расположенную напротив «Огонька», на Лесной, лавочку «Родная книга», где как раз и продаются старые советские собрания сочинений или макулатурные издания, я почти всегда выцепляю оттуда что-нибудь полезное, и это полезное достойно занимает место на полке, вытесняя оттуда очередное новейшее произведение.

О подобной ситуации рассказывали мне и в Штатах. Когда я изъявил желание посетить книжный, приятель-профессор отвел меня в букинистический: «Все, что надо, здесь есть, а новое покупать бессмысленно». Это не ретроградство и не ренегатство, а результат, к которому пришла культура в результате руководства менеджеров и маркетологов. В какой-то момент литературой, кинематографом и музыкой стали во всем мире заправлять так называемые эффективные руководители. В результате появились книги, которые нельзя перечитывать, фильмы, которые не хочется смотреть, и музыку, которую не слушают, а включают в машине, чтобы не заснуть за рулем.

Никакого постмодернистского кризиса культуры не произошло, и писать не стали хуже — просто из культуры сделали индустрию, хотя руководить культурой теми же методами, какими руководят промышленностью, невозможно в принципе. Промышленность подхватывает чужие ноу-хау и начинает их тиражировать, но в культуре подобное тиражирование смерти подобно. Здесь нельзя повторять успех — надо искать другие его механизмы. Художник это понимает. Издатель — не понимает. Издатель убежден, что художника надо высосать, выжать, как лимон, пока он не начнет повторять себя и не выродится. Так же раскручивают исполнителя, в котором хоть что-то есть. Современная культура — типичное нашествие клонов. Нашумевший роман Сергея Минаева *Duxless* — не что иное, как клон романа Владимира Спектра *Face Control*, с совпадениями дословными, бросающимися в глаза. Свои клоны есть и у Оксаны Робски, и у Ильи Стогова (успевшего побыть клоном самого себя), и у Евгения Гришковца (давно перешедшего на клонирование собственных монологов). Современная книга рассчитана на одноразовое прочтение — другого попросту не нужно. Содержание усваивается за один раз. Любого автор, предлагающий что-то новое и неоднозначное, — по определению нерыночен, ибо издатель рискует, связываясь с ним. Вот почему в нашей литературе так мало новых имен, а когда они появляются, пробившись через тройной кордон, их немедленно начинают раскручивать так, что от новизны в считанные минуты ничего не остается. Пока против подобной раскрутки устоял один писатель Алексей Иванов («Золото бунта», «Сердце Пармы»), но у него сильный пермский характер; повезло и Пелевину — но он начал печататься в конце 80-х, когда рыночные механизмы еще не были всевластны.

В сегодняшней культуре качественное и оригинальное произведение может появиться не благодаря, а лишь вопреки издателю и продюсеру. Продюсер берется спонсировать только то, что уже опробовано другими, — отсюда неотличимые сериалы, клон «9 роты» под названием «Прорыв» и бесчисленные клоны «Ментов» под разными титлами. Издатель сегодня требует от писателя вариаций на тему «Кода да Винчи», хотя

некондиционен был уже и первый образчик жанра, насквозь вторичный по отношению к американской прозе 70-х. С современной книгой ничего, кроме буккроссинга, не сделаешь: ее хочется забыть в публичном месте еще до того, как откроешь.

Заглянем в список бестселлеров любого московского магазина — виртуального или реального: мы обнаружим там все тот же Духless, дюжину неотличимых пособий о том, как похудеть и управлять людьми, книги Вебера вроде «Империи ангелов» (клон всей мировой духовидческой литературы), Акунина с насквозь пародийным и никак не пригодным для перечитывания «ФМ», Уэльбека с очередной уэльбековской вариацией на две уэльбековские вечные темы — желание трахнуть и кризис Европы... Самоповтор сделался главной писательской стратегией, повтор тем и жанров — главным принципом издателей. Фильмы все неотличимее друг от друга: «Питер FM» столь откровенно перепевает «Прогулку», что удивляешься, право, нерасторопности Алексея Учителя: что подавать в суд на Первый канал, который незаконно показал «Космос», когда у тебя из-под носа внаглую тырят твою предыдущую картину? И касается это не только отечественного кино: мировой мейнстрим тоже перестал радовать находками. Точное слово, смешная реплика, неожиданная мысль только и прорвутся на экран в очередном «Очень страшном кино», пародирующем все подряд.

Я выбрасываю книги без сожаления, с облегчением, хотя на такое не поднялась бы рука еще два года назад. Книга утратила сакральность, превратившись в продукт, и в этом качестве уже неинтересна даже автору. Добавим к этому российскую свободу книгоиздания, за которую нельзя не держаться — как-никак последнее завоевание гласности; можно издаться за свой счет, крикнуть о том, о чем не крикнешь ни в газете, ни по телевизору... Но что-то приток гениев из интернета заставляет себя ждать: там клонируют все ту же бумажную или толстожурнальную прозу, все те же стихи образца семидесятнического котельного модернизма, а изобретением собственных приемов и тем отнюдь не озабочены. Потому что нужен успех, а успех возможен только по чужим лекалам. Так им, авторам, кажется. Выступая в функции издателя, каждый автор, доселе недовольный издательским произволом, наступает на все чужие грабли — раскручивая раскрученное, повторяя вторичное, переваривая съеденное.

Я не утверждаю, что в советское время не издавали халтуры. Издавали, и 90 процентов тогдашних книг — от семейных саг П. Проскурина до комсомольских методичек — давно и заслуженно отправились в макулатуру. (Правда, книги Проскурина имеют теперь историческую ценность, а в книгах Робски и этого нет — приметы времени там клишированы, почерпнуты из газет; графоманить тоже надо уметь.) Просто наряду с этой халтурой к читателю просачивалось и нечто живое — потому что в идеологическом руководстве культурой всегда есть щели. Они насмерть законопачены только в рыночные времена — потому что идеолога можно обмануть, а кассовый аппарат не обманешь. Он вообще думать не умеет.

Не надо обманываться человеческой, трогательной внешностью буккроссинга. Это благотворительность по принципу «На тебе, Боже, что мне негоже» или еще прозаичнее — «Лучше в вас, чем в таз». Книга, которую хочется забыть на скамейке после прочтения, — плохая книга. Такие одноразовые книги формируют одноразовых людей — идеально рентабельных, удобных для зарабатывания денег, но неприемлемых в личном общении: у них нет правил, с ними не о чем говорить. Скоро их тоже будут забывать на скамейке. Своего рода флэш-моб: обмен мужьями. Он мне все уже рассказал, больше ничего не знает. Возьмите кто-нибудь, приличный муж, в хорошем состоянии, нормального питания, глаза голубые. Жена тоже ничего себе. Заберите кто-нибудь, а то комнату загромождает. Не пропадать же. Готовит опять-таки. Правда, всего два блюда, но уж в них вкладывает всю душу.

Это нормальные отношения людей, воспитанных новой культурой. Они годятся один раз попить кофе, один раз переспать, один раз съездить в Египет или Анталию. Но жить с ними нельзя. Что мы, собственно, уже и наблюдаем.

Автор: Дмитрий Быков © Огонек КУЛЬТУРА, МИР 6274 23.06.2006, 20:50 493

URL: <https://babr24.com/?ADE=30915> Bytes: 8368 / 8368 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

